DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-17-22

УДК 81'373

АНГЛИЙСКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ЭВФЕМИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОРОКИ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© Юлия Арсентьева

ENGLISH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL EUPHEMISMS DENOTING HUMAN VICES AND CRIMES

Yulia Arsentyeva

The article studies the phraseo-semantic group of English and Russian phraseological euphemisms denoting human vices and crimes. A review of the literature on the issue indicates the complexity of the euphemistic nomination in the field of phraseology. Phraseological euphemisms combine typical features of both phraseological and euphemistic units and are characterized by the rethinking of meaning, separability, stability (lexical and grammatical), imagery and high significance of connotation in the structure of their phraseological meaning. The main purpose of the euphemistic nomination is to soften and veil taboo or socially and morally condemned real denotations. A detailed study of this phraseo-semantic group indicates that phraseological euphemisms, designating human vices and crimes, successfully fulfill the role of mitigating and veiling the actions and behavior of a person condemned by human society both in English and in Russian. The vices and crimes, most condemned by human society, are murder, suicide and drunkenness. In many cases, the prototypes of the phraseological euphemisms under study are built on ameliorative or neutrally evaluated images. It is concluded that the euphemistic function of such units is largely due to the internal form of phraseological euphemisms, namely, their ameliorative or neutral (ambivalent) imagery, which in turn gives the prototypes of phraseological euphemisms a neutral or ameliorative assessment.

Keywords: phraseology, phraseological euphemism, euphemistic nomination, phraseological meaning, phraseo-semantic group.

Статья посвящена изучению фразеосемантической группы английских и русских фразеологизмов-эвфемизмов, обозначающих человеческие пороки и преступления. Обзор литературы вопроса свидетельствует о сложности эвфемистической номинации в сфере фразеологии. Фразеологизмыэвфемизмы объединяют типичные особенности как фразеологических, так и эвфемистических единиц и характеризуются переосмысленностью значения, раздельнооформленностью, стабильностью (лексической и грамматической), образностью и высокой значимостью коннотации в структуре их фразеологического значения. Главной целью эвфемистической номинации является смягчение и вуалирование табуированных или социально и морально порицаемых реальных денотатов. Детальное изучение указанной фразеосемантической группы свидетельствует о том, что фразеологизмы-эвфемизмы с обозначением человеческих пороков и преступлений успешно выполняют роль смягчения и вуалирования порицаемых человеческим обществом действий и поведения человека как в английском, так и в русском языке. Наиболее осуждаемыми человеческим обществом пороками и преступлениями являются убийство, самоубийство и пьянство. Во многих случаях прототипы исследованных фразеологизмов-эвфемизмов построены на мелиоративно или нейтрально оцениваемых образах. Делается вывод, что эвфемистическая функция подобных единиц в значительной мере обусловлена внутренней формой фразеологизмов-эвфемизмов, а именно их мелиоративной или нейтральной (амбивалентной) образностью, в свою очередь придающей прототипам фразеологизмов-эвфемизмов нейтральную или мелиоративную оценку.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм-эвфемизм, эвфемистическая номинация, фразеологическое значение, фразеосемантическая группа.

Началом изучения эвфемизмов в лингвистике считается XIX век, однако объектом пристального внимания ученых-языковедов эвфемизмы стали только в течение последних десятилетий.

Большинство лингвистов солидарны в определении экстралингвистической природы эвфемизмов, что касается лингвистической природы эвфемистических единиц, они рассматриваются в

настоящее время как сложные языковые образования, а эвфемия относится учеными к многогранному языковому явлению. Общепризнанным считается тот факт, что социально табуированные предметы и явления в результате эвфемистической номинации приобретают более мягкие, завуалированные, приемлемые в обществе обозначения.

В лингвистике мы встречаемся с рядом определений эвфемизмов. Так, например, С. И. Ожегов характеризует эвфемизм в своем словаре следующим образом: «слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обста-ИЛИ грубое, непристойное, "неумный" вместо "дурак"» [Ожегов, с. 831]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» к эвфемистическим единицам относят слова или выражения, являющиеся эмоционально нейтральными, которые употребляются вместо неприличных, грубых или нетактичных синонимичных слов или выражений [Лингвистический энциклопедический словарь, с. 590].

В словарях, изданных в англоязычных странах за последние десятилетия, эвфемизмы рассматривают как мягкую замену более грубого, оскорбительного, неприемлемого в нормальном обществе слова или выражения, как термин преуменьшения, замалчивания, смягчения, свидетельствующий о проявлении воспитанности, вежливости или застенчивости [Cambridge International Dictionary of English, c. 471], [New Oxford Thesaurus of English, c. 322].

Как альтернативу нежелательному выражению в обществе рассматривают эвфемизм известные ученые, занимающиеся данной проблемой, К. Аллан и К. Барридж [Allan, Burridge, с. 11].

Создатель теоретической основы процесса эвфемизации и функционирования русских эвфемистических единиц Е. П. Сеничкина выделяет характерные признаки эвфемизмов как языковых единиц, обозначающих нежелательный внеязыковой денотат. По ее мнению, эвфемистические единицы характеризуются семантической неопределенностью, ведущей к смягчению или уменьшению отрицательной оценки внеязыкового денотата, приводящего к улучшению характера реального денотата. Сдвиг подобного обозначения в мелиоративную сторону характеризуется формальным характером [Сеничкина, с. 6].

В качестве эвфемизмов могут выступать как лексические, так и фразеологические единицы.

В. Н. Телия указывает на культурнонациональный характер фразеологического состава любого языка в силу того, что закрепленная в нем система образов выступает в качестве своего рода «ниши» для кумуляции мировидения носителя языка, при этом данную систему пронизывают связи того или иного рода с материальной, духовной или социальной культурой народа, вследствие чего именно фразеологический фонд языка может служить свидетелем национально-культурного опыта и традиций носителя языка [Телия, с. 108]. Ю. С. Степанов называет фразеологизмы «зеркалом жизни нации» [Степанов, с. 112].

Отнесенность фразеологизмов-эвфемизмов к компликативным языковым единствам объясняется тем фактом, что как фразеологическое, так и эвфемистическое переосмысление лежит в основе их создания. Переосмысление значения, раздельнооформленность, лексическая и грамматическая стабильность, образность, значительная роль коннотации в составе фразеологического значения относятся к характерным признакам фразеологизмов-эвфемизмов как фразеологических единиц. Как эвфемистические единицы фразеологизмы-эвфемизмы специально создаются в языке с целью смягчения, вуалирования, замалчивания общественно табуированных, морально и социально неприемлемых реальных денотатов. Объединяющим фактором является особенность их создания в языке с помощью вторичной номинации.

Таким образом, нами отмечаются отличительные особенности фразеологического значения данных языковых единиц, к которым относятся: «эвфемистическая функция, выраженная объективная пейоративная оценка. В качестве главной причины смягчения и вуалирования сигнификативно-денотативного компонента значения фразеологических эвфемизмов выступает мотивирующий образ, лежащий в основе фразеологической и эвфемистической номинации» [Арсентьева, 2012, с. 103].

Для проведения сопоставительного анализа фразеологизмованглийских русских эвфемизмов мы обратились к многочисленным одноязычным и многоязычным словарям, наиболее авторитетными из которых являются словарь английских эвфемистических единиц И. С. Нимана и К. Г. Сильвера [Neaman, Silver]; два словаря Р. У. Холдера [Holder, 1995], [Holder, 2007]; словарь Н. А. Риса [Rees]; двуязычные фразеологические словари А. В. Кунина [Кунин] и Е. Ф. Арсентьевой [Арсентьева, 1999]; специальный словарь эвфемизмов Е. П. Сеничкиной [Сеничкина], а также фразеологические словари русского языка под редакцией А. И. Молоткова [Фразеологический словарь русского языка] (далее -ФСРЯ) и А. И. Федорова [Фразеологический словарь русского литературного языка...] (далее – ФСРЛЯ). Для отбора материала мы также обращались к электронным корпусам [The Corpus of Contemporary American English] (далее – COCA), [НКРЯ].

В. М. Мокиенко справедливо отмечает, что исключительная направленность на характеристику человека и человеческой деятельности составляет специфику фразеологической семантики [Мокиенко, с. 64]. В данной статье мы представляем результаты проведенного сопоставительного анализа английских и русских фразеологических эвфемизмов, характеризующих человеческие пороки и преступления.

Социальным детерминантом эвфемистических единиц данной фразеосемантической группы выступают моральные принципы, осуждающие и порицающие подобные проявления человеческой природы и аморальные действия человека. Вполне понятно, что человеческие пороки и преступления всегда выступали в качестве источника создания подобных фразеологизмовэвфемизмов. Эмоциональной основой замены номинации подобных мелиоративно оцениваемых внеязыковых явлений с помощью фразеологизмовэвфемизмов служит присущее людям чувство отвращения и стыда к подобным проявлениям низменной стороны природы человеческой натуры.

Наиболее страшными смертными грехами являются убийство и самоубийство. И в английском, и в русском языках представлены фразеологизмы-эвфемизмы, обозначающие данные тяжелые преступления человека, сеющие смерть. Тот факт, что результатом этих грехов является смерть, позволяет рассматривать данные языковые единицы в качестве объединяющего начала двух фразеосемантических групп.

Особенность эвфемистической номинации наглядно проявляется в данных фразеологизмахэвфемизмах. Так, некоторые из эвфемистических единиц, обозначающих убийство, построены на мелиоративном ИЛИ нейтральном образепрототипе: to send somebody to glory [Кунин, с. 316], to send somebody to heaven [Holder, 1995, c. 327], to close an account [Tam жe, c. 67], people's justice [Там же, с. 277], отправлять к праотцам кого, отправить к праотцам кого [ФСРЯ, с. 305], отсылать на тот свет (к праотцам, в лучший мир <из миров>), отослать на тот свет (к праотцам, в лучший мир <из миров>) [Сеничкина, с. 300]. Внутренняя форма подобных эвфемистических единиц является полупрозрачной и позволяет нам достаточно легко понять значение языковой единицы. Образ, лежащий в основе фразеологического значения, имеет или мелиоративный характер, что ярко проявляется в примерах, где убийца отправляет свою жертву к славе (to glory), в небеса (to heaven), в лучший мир <из миров>, или является нейтральным. Второй случай мы наблюдаем в примерах отправления убитого на тот свет, к праотцам или закрытия его или ее счета (to close an account). Интересно отметить, что фразеологизм-эвфемизм people's justice, построенный на явно мелиоративном образе «народной справедливости», означает «суммарное убийство без надлежащего судебного расследования», в качестве примера его использования словарь Р. У. Холдера приводит убийство царской семьи в России: Spare them after all? When they should be punished according to the people's justice [Holder, 1995, c. 277].

Таким образом, именно полупрозрачная внутренняя форма с мелиоративным или нейтральным образом, заложенным в основу значения данных эвфемистических единиц, ведет к смягчению понятия убийства и в английском, и в русском языках, сами же фразеологизмыэвфемизмы выступают в качестве языкового способа переосмысленного и завуалированного обозначения данного смертного греха. В то же время ряд фразеологизмов-эвфемизмов в качестве прототипа имеют обозначения конкретных действий человека, не всегда резко отрицательных, в результате которых происходит самоубийство или убийство другого человека: to get a bullet (букв.: 'получить пулю') [Holder, 1995, с. 151], to make a hole in the water (букв.: 'делать дыру в воде') [Там же, с. 232], покончить с собою / с жизнью [Сеничкина, с. 329], пускать <ceбe> пулю в лоб, пустить <себe> пулю в лоб [Арсентьева, 1999, с. 227]. В любом случае образ, на основе которого строится фразеологизмэвфемизм, выступает в качестве смягчающего средства обозначения убийства или самоубийства: to take one's <own> life (букв.: 'брать свою <собственную> жизнь') - 'покончить жизнь самоубийством' [Кунин, с. 455], накладывать руки на кого, наложить руки на кого (устар.) [ФСРЯ, c. 264].

К решительно осуждаемым порокам, в первую очередь в английском обществе, относится пьянство, которое также находит свое смягченное эвфемистическое обозначение и в английском, и в русском языках. Мы снова встречаем прототипы, построенные на мелиоративно или нейтрально оцениваемых образах: under the weather (букв.: 'под погодой') – пьяный [Holder, 1995, с. 385]; half and half (букв.: 'половина и половина') – пьяный [Там же, с. 169]; to cock the little finger (букв.: 'поднимать маленький палец') – быть пьяницей [Там же, с. 69]; in the tank (амер.) (букв.: 'в танке') – пьяный [Там же, с. 385]; to

hold one's liquor (букв.: 'держать свое спиртное, свой ликер') – пить много алкоголя [Там же, с. 181]; за галстук (за воротник) закладывать (заливать, запускать, пропускать, трахать), за галстук (за воротник) заложить (залить, запустить, пропустить, трахнуть) [Сеничкина, с. 127–128]; крепкие напитки [Там же, с. 166]; любитель выпить [Там же, с. 181] и т. д. Подобные фразеологизмы-эвфемизмы выполняют эвфемистическую функцию завуалированного смягчения в контексте в обоих сопоставляемых языках: I had the impression that ... Enid was somewhat inhercups. (G. Vidal. "Washington. D. C.") [Кунин, с. 190] (здесь и далее разрядка наша – Ю. А.); Старый манегр пьет вино, как бездонная бочка, но знает хорошо местность; он указал три острова около впадения трех речек Буринда, где началась гибель облеуховского отряда (М. А. Бестужев. Дневник плавания по Амуру) [НКРЯ]; $\Pi \circ \partial$ хмельком у него и координация лучше, за детей можно не волноваться (Н. В. Нестерова. Грезиетка) [Там же].

Спектр неприглядных действий и поступков, особенностей человеческого характера, выражаемых с помощью фразеологизмов-эвфемизмов рассматриваемой нами фразеосемантической группы, достаточно широк, при этом образ, на котором основана фразеологическая и эвфемистическая номинация, часто носит нейтральный или даже мелиоративный характер. Приведем только несколько примеров: to take care of (букв.: 'заботиться о') в значении «давать взятку» [Holder, 1995, c. 366], to wear Hector's coat (букв.: 'носить пальто Гектора') – «быть предателем» [Там же, с. 398]; cold feet (букв.: 'холодные ноги') – «трусость» [Там же, с. 70]; industrial logic (букв.: 'индустриальная логика') – «жадность» [Там же, с. 197]; tea leaf (букв.: 'чайный лист') – «вор» [Там же, с. 369]; to help oneself (букв.: 'помогать себе') – «воровать» [Там же, с. 178]; double entry (букв.: 'двойной вход') - «бесчестный» [Там же, с. 106], лежать на боку (на печи)— «совсем ничего не делать, бездельничать» [ФСРЯ, с. 222]; играть в прятки (в жмурки) – «обманывать кого-л., скрывать, утаивать что-л. от кого-л.» [Там же, с. 179]; *длинные руки иметь* – «воровать, присваивать чужое» [Сеничкина, с. 113] и т. д. Контекстуальное использование фразеологизмов-эвфемизмов, характеризующих разные человеческие пороки, наглядно свидетельствует о сохранении их эвфемистической функции: Perhaps wisely they turned coat and told us where he was [Holder, 1995, c. 382]; This Novak... and the people behind Novak, were feeling their oats and talking big (S. Heym. "The Eyes of Reason") [Кунин, с. 548]; Обнаруживается, что человеческое сообщество, для того чтобы оставаться устойчивым, должно уклоняться от истины, знания (М. Амусин. Между законом и благодатью) [НКРЯ].

Фразеосемантическая группа, номинирующая человеческие пороки и преступления, относится к одной из наиболее активно пополняемых в настоящее время групп, в первую очередь благодаря эвфемистическому обозначению новых внеязыковых реалий типа наркомании, распространения психотропных средств. Особенно сильно данный процесс наблюдается в английском языке, причем в абсолютном большинстве случаев мы имеем дело с нейтральной или мелиоративной оценочностью подобных фразеологизмовэвфемизмов. Можно предположить, что распространители наркотиков специально стараются привлечь внимание потенциальных покупателей с помощью их красочных обозначений. Так, например, нелегальные наркотики имеют образ 'ангельского порошка' (angel dust) [Holder, 1995, с. 10] и 'восточных веществ' (Eastern substances) [Там же, с. 114]; кокаин обозначается как 'небесный порошок' (heaven dust) [Там же, с. 177] и 'счастливый порошок' (happy dust) [Там же, с. 172]; опиум именуется 'китайским табаком' (Chinese tobacco) [Там же, с. 62], а качественная марихуана – 'колумбийским золотом' (Columbian gold) [Там же, с. 71].

Немногочисленные фразеологизмы-эвфемизмы, номинирующие наказания за преступления, и учреждения, связанные с ними, также отнесены нами к рассматриваемой фразеосемантической группе вследствие необходимости и неотвратимости наказания за преступления, социально и морально недопустимые в обществе: assembly centre — 'тюрьма' [Holder, 1995, c. 13], big house (амер.) — 'тюрьма' [Там же, с. 28], down the line — 'в тюрьме или в тюрьму' [Там же, с. 107], дом лишения свободы — «тюрьма» [Сеничкина, с. 115], охранное отделение — «орган тайного полицейского надзора» [Там же, с. 302] и др.

Итак, изучение фразеосемантической группы фразеологизмов-эвфемизмов, обозначающих человеческие пороки и преступления, в двух европейских языках, свидетельствует о том, что данные языковые единицы успешно выполняют роль смягчения и вуалирования порицаемых человеческим обществом действий и поведения человека в обоих сопоставляемых языках. При этом эвфемистическая функция подобных единиц в значительной мере обусловлена внутренней формой фразеологизмов-эвфемизмов, а именно их мелиоративной или нейтральной (амбивалентной) образностью, в свою очередь при-

дающей прототипам фразеологизмов-эвфемизмов нейтральную или мелиоративную оценку.

Список литературы

Арсентьева Е. Ф. Русско-английский фразеологический словарь. Казань: Хэтер, 1999. 318 с.

Арсентьева Ю. С. Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2012. 177 с.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. М.: Рус. язык, 1984. 944 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 2016. 160 c.

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 07.09.2021)

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1978. 847с.

Cеничкина E. Π . Словарь эвфемизмов русского языка. M.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа. Языки русской культуры, 2017. 824 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 2017. 288 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. А. И. Федорова. М.: Топикал, 1995. 608 с.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. язык, 1986. 543 с.

Allan K., *Burridge K.* Euphemisms and Dysphemisms. Language Used as Shield and Weapon. New York: Oxford University Press, 1991. 263 p.

Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 1774 p.

Holder R. W. A Dictionary of Euphemisms. New York: Oxford University Press, 1995. 470 p.

Holder R. W. A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. New York: Oxford University Press, 2007. 506 p.

Neaman J. S. and Silver C. G. Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms. Expanded and Revised Edition. New York: Facts on File, 1990. 373 p.

New Oxford Thesaurus of English. New York: Oxford University Press Inc, 2000. 1087 p.

Rees N. A Man about a Dog. Euphemisms and Other Examples of Verbal Squeamishness. London: Harper Collins Publishers Ltd, 2006. 418 p.

The Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: http://www.americancorpus.org (дата обращения: 06.09.2021)

References

Allan, K., Burridge, K. (1991). *Euphemisms and Dysphemisms. Language Used as Shield and Weapon*. 263 p. New York, Oxford University Press. (In English)

Arsent'eva, E. F. (1999). *Russko-angliiskii* frazeologicheskii slovar' [Russian-English Phraseological Dictionary]. 318 p. Kazan', Hjeter. (In Russian, in English)

Arsent'eva, Iu. S. (2012). Frazeologizmy-evfemizmy v angliiskom i russkom iazykah: dis. ... kand. filol. nauk [Phraseological Euphemisms in the English and Russian Languages: Ph.D. Thesis]. Kazan', 177 p. (In Russian)

Cambridge International Dictionary of English (2001). 1774 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)

COCA (1990). The Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: http://www.americancorpus.org (accessed: 06.09.2021). (In English)

Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka kontsa XVIII – XX vv. (1995) [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the End of the Eighteenth – Twentieth Centuries]. Pod red. A. I. Fedorova. 608 p. Moscow, Topikal. (In Russian)

Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka (1986) [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Pod red. A. I. Molotkova. 543 p. Moscow, Rus. Iazyk. (In Russian)

Holder, R. W. (1995). *A Dictionary of Euphemisms*. 470 p. New York, Oxford University Press. (In English)

Holder, R. W. (2007). *A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean.* 506 p. New York, Oxford University Press. (In English)

Kunin, A. V. (1984). *Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. 944 p. Moscow, Rus. Iazyk. (In English, in Russian)

Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' (1990) [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 685 p. Moscow, Sov. Entsiklopediia. (In Russian)

Mokienko, V. M. (2016). *Zagadki russkoi frazeologii* [Mysteries of Russian Phraseology]. 160 p. Moscow, Vysshaia shkola. (In Russian)

Neaman, J. S. and Silver, C. G. (1990). *Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms*. Expanded and Revised Edition. 373 p. New York, Facts on File. (In English)

New Oxford Thesaurus of English. (2000). 1087 p. New York, Oxford University Press Inc. (In English)

NKRIa (2001) *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [National Corpus of the Russian Language]. Moscow. URL: http://www.ruscorpora.ru (accessed: 07.09.2021). (In Russian)

Ozhegov, S. I. (1978). *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 847 p. Moscow, Sov. Entsiklopediia. (In Russian)

Rees, N. A (2006). *Man about a Dog. Euphemisms and Other Examples of Verbal Squeamishness*. 418 p. London, Harper Collins Publishers Ltd. (In English)

Senichkina, E. P. (2008). *Slovar' evfemizmov russkogo iazyka* [Dictionary of Euphemisms of the Russian Language]. 464 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

Stepanov, Iu. S. (2017). Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. 824 p. Moscow, Shkola. Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

ЮЛИЯ АРСЕНТЬЕВА

Teliia, V. N. (2017). Russkaiia frazeologiia. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. 288 p. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

The article was submitted on 09.09.2021 Поступила в редакцию 09.09.2021

Арсентьева Юлия Святославовна,

кандидат филологических наук, доцент, Казанский федеральный университет, 420008, Россия, Казань, Кремлевская, 18. juliarenat251@gmail.com

Arsentyeva Yulia Svyatoslavovna,

Ph.D. in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation. juliarenat251@gmail.com